

МОТИВ ЧУДЕСНОГО РОЖДЕНИЯ В ЧЕЧЕНСКОМ ПОЗДНЕМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ ИЛЛИ

И. Б. Мунаев

В статье привлекаются для сравнительно-сопоставительного анализа разностадиальные эпические произведения народов России и Азии. Рождение богатыря-кудесника в древних эпических произведениях целого ряда народов сопровождается природными потрясениями, реакцией-испугом представителей живой природы и природными знаменами. В балкаро-карачаевском варианте мы имеем миф о необычном рождении первого богатыря-героя от отца-неба и матери-земли, а природные катаклизмы обозначают сам процесс рождения. В позднем чеченском эпосе илли и ингушской лирической песне «Жалоба невесты» описания природных явлений и реакция на рождение героя (героини) наиболее почитаемых представителей животного мира превратились в художественные средства идеализации героя илли и героини лирической песни, потеряв свою мифологическую содержательность.

Ключевые слова: героико-исторические илли, эстетическая система, поздний эпос, чудесное рождение, эпический мотив, миф, параллелизм.

In the present article different epic texts of the peoples of Russia and Asia are subjected to comparative analysis. The birth of warrior-magician in ancient epics of quite a number of peoples is accompanied by natural disasters, fright-reaction of representatives of wildlife and different natural omens. In Balkar-Karachai version we have the myth of the unusual birth of the first hero descending from the Father-Heaven and Mother-Earth, while natural disasters signal the birth process itself. In the later Chechen epic of Illi (epic song) and Ingush lyrical song «Bride complaint» descriptions of natural phenomena and reaction of the most revered representatives of the animal world to the birth of a hero or heroine turned into artistic means of idealizing the hero of illi and heroines of lyrical songs, not retaining its mythological content.

Keywords: heroic-historical illi, aesthetic system, later epic, marvelous birth, epic motive, myth, parallelism.

Героический эпос является важнейшей частью народной культуры. Он формируется на протяжении многих веков, консолидируя в себе опыт взаимодействия этноса с другими народами, с природным и животным миром. Так как национальный героический эпос зарождается и развивается вместе с этносом, одной из важнейших его функций в исторической жизни любого народа является создание и развитие этической и эстетической системы национального (этнического) стереотипа поведения. В фольклоре это происходит через создание в героическом эпосе главного общенационального образа идеального положительного героя и его помощников. А в позднем в стадиальном отношении чеченском героико-историческом эпосе илли – целой галереи образов историче-

ских героев, защищавших свой край, село, семью, невесту, отвечавших народным требованиям о чести, достоинстве, смелости и благородстве, щедрости и справедливости, защите слабых и обездоленных. Соответственно, в среде сказителей и слушателей илли воспринимаются как повествования о реально существовавших героях. Об одних популярных героях илли есть исторические сведения, другие известны лишь по их именам и названиям сел, из которых они происходят. Целый ряд героев илли безымянны (т.е. имеют в качестве собственного имени нарицательное имя: сын Вдовы, сын Вдовой Старухи, брат Сестры и др.).

Жанр илли прямо связан с процессом этногенеза чеченского народа (*нохчий къам*). Новый этнос начали формировать представители большей части нахских

племен с конца XIV века на территории, которая самими чеченцами до настоящего времени определяется как *Нохч мохк* («Чеченский край»). Это предгорное и горное пространство к юго-востоку от р. Хули (Веденский, Ножай-Юртовский, Курчалойский и часть Гудермесского районов ЧР), на которое по преданиям вернулись нахские племена из Нашха в самом начале XV в. Это период, когда с Северного Кавказа после разгрома хана Золотой Орды Тахтамыш и разрушительных походов против народов Северного Кавказа ушел в Индию завоеватель Тамерлан.

Деяния чеченских героев илли имеют общественно значимый характер. Они отражают нападения врагов на село, отстаивают интересы бедных и обездоленных перед князьями, заботятся о сельских вдовах и сиротах, возвращают угнанную добычу, отбивают у врагов своих невест и сестер. Герой илли добывает в честном бою невесту и добычу.

Герой илли прежде всего воин. Он предстает смелым, ловким, отважным, сдержанным, наблюдательным и самое главное – обязательно соблюдающим народный этикет, традиционный кодекс морально-этических и эстетических норм поведения, которые позволяют определить его как *яхь йолу кІант* (честь имеющий молодец) или *дика кІант* (добрый молодец).

Вместе с тем, герой илли не является эпическим богатырем. У него отсутствуют какие-либо сверхчеловеческие возможности, он изображается как реально существовавший человек, способный принимать осознанные решения, жертвовать собой ради друга или села. Он уязвим и получает большое количество ранений, но обычно не погибает. Семантика постоянных эпитетов героя илли (славный, добрый, честь имеющий, молодой, вежливый, смелый и др.) указывает на то, что в жанре героико-исторических илли основное внимание сосредоточено на личных моральных качествах героя. Наличие этих качеств, безусловно, говорит о его героических способностях. В этом одно из существенных отличий позднеэпического героя илли от

богатырей – эпических героев нарт-орстхойского эпоса, которые в основном определяются как имеющие невероятно большую силу, неуязвимость и т.д.

В позднем героическом эпосе илли большую роль играют древнеэпические и мифологические мотивы, которые сохранились в трансформированном виде и выполняют разнообразные художественные функции в условиях новой жанровой среды. Рассмотрим один из них: мотив чудесного рождения героя. Этот мотив известен по мифологии и эпическим произведениям многих народов. Его отзвуки мы находим и в отдельных илли, что побуждает нас сделать попытку его анализа с привлечением фольклорного материала разных народов.

Так, в илли «О Гани, сыне гехинской Вдовой старухи» герой на сетования своего младшего брата о многочисленности врагов, уводящих невесту, отвечает:

– *Дакъаза ма яла, сан жима хьо кІиллу,
Ма биэлахь ахь суна зударийн текъамаш,
Шелонна ламанаш лелхачу ва буса
Вина ву ва хьуна хьан воккха ва ваша,
Шелонна берзалоу угІучу ва буса
Вина веца ва хьуна хьа воккха ва ваша,
Шелонна цхьогалаш цІийзачу ва буса
Вина ву ва хьуна хьан воккха ва ваша,
Вайшинна лиэллал некъ ас боккхур бу хьуна.*

– Не будь обездоленным, мой маленький ты трус,
Не разводи ты мне женское нытье,
От холода когда горы лопались, в ту ночь
Родился твой старший брат,
От холода когда волки выли, в ту ночь
Родился твой старший брат,
От холода когда лисицы визжали, в ту ночь
Родился твой старший брат,
Для нас двоих, чтобы ходить (просторно)
Дорогу я пробью (среди врагов)» [1, 89]
(подстр. пер. здесь и далее авт. – И. М.).

В более архаическом героическом илли, записанном русским исследователем в середине XIX в. мотив чудесного рождения встречается в следующем поэтическом оформлении:

...Как искры сыплются от булата,
Так мы рассыпались от Турпала Нахчуо.
Родились мы в ту ночь,
Когда от волчицы родятся щенки,

Имена нам даны были в то утро,
 Когда ревел барс;
 Такими произошли мы от
 Праотца Турпала Нахчуо [2, 129].

В илли «О чеченском Баймарзе» этот мотив сохранился в зачине, который имеет форму обращения матери героя к своему маленькому сыну:

... – *Хьо вина нана яларг,
 Сан жима Баймарза,
 Хьох могуш йоцуш,
 Ша йоьжначу буйсанна,
 Дако коьрта лейча дийкира,
 Хьо шен деглах къаьстачахь
 Лакхача баишам тIе
 ЦIоькъа лом цIуьвзара
 Хьо шен деглах къаьстача,
 Горгача юьрта тIе тегIаш,
 Гида берзалоу уьгIара:
 «Тха санна дог хийла хьан бохуш» –
 Хьо шен деглах къаьстанча Iуьйранна
 Сира сай гIергIара:
 – «Эшнаг балех ваккхал
 Дог хийла хьан», – бохуш
 Яра гIелделла нохчий бай
 Ва балехьа даха,
 Кхиай валахьа сан жима Баймарза, –
 Аьлла кхишна волуш волу
 Нохчийн Баймарза...*

... – Чтобы умерла родившая
 Тебя мать (вместо тебя),
 Мой маленький Баймарза,
 Из-за тебя нездоровой когда я легла,
 На вершине Дако сокол проклекотал.
 Когда ты от моего тела отделялся,
 На высокой снежной горе
 Барс ревел – «цIу-у-ув».
 Когда ты от моего тела отделился,
 К круглому аулу приблизившись,
 Поджарые волки провыли:
 – «Как у нас пусть будет
 Твое сердце – говоря».
 Когда ты от моего тела отделился
 В то утро, серый олень (рогач) протрубил:
 – Обездоленных чтобы спасти (настолько
 большое)
 Пусть сердце твое будет – говоря.
 – Этих уставших (обездоленных) чечен-
 ских сирот
 Чтобы спасти, вырасти быстрее,
 Мой маленький Баймарза –
 Говоря, матерью воспитанный,
 Этот чеченский Баймарза... [3, 1]

Во всех перечисленных случаях рождение героев совершается в необычайной героической обстановке. Она создается при помощи особого поэтического ряда, который возникает при многократном повторении отдельных образов – определенных состояний природы, соотношенных во временном и пространственном отрезке – появление героя на свет. Рождается герой ночью, то есть в период, когда, по древним представлениям чеченцев, природа находилась во власти всевозможных демонических сил.

Ситуация героической обстановки и мера необычайности в указанных трех примерах неодинакова. Так, в первом случае рождение Гани, сына Вдовой старухи, совпадает с природными явлениями, вызванными страшным холодом. Здесь используется гипербола («от холода лопаются горы») и выражается мысль о том, что герой является незаурядной и героической личностью уже потому, что он родился именно в эту страшную ночь и остался жив. Во втором примере семантическая нагрузка заключена в совокупном ряде самостоятельных образов-определений с акцентом особенно на первом: «когда от волчицы родятся щенки». Напрашивается мысль о том, что и сам герой должен походить на волка в своих действиях.

Наибольший интерес привлекает третий пример, в котором мотив чудесного рождения сохранился в форме обращения матери к своему маленькому сыну. Это обращение передается сказителем без музыкального сопровождения и звучит как своеобразное определение главного героя. Оно повышает интерес слушателей и является информацией о родословной героя, которая подчеркивает его богатырский характер. В отличие от двух первых примеров, где рождение героя просто совпадало с природными явлениями, здесь реакция живой природы прямо связана с рождением героя. Так, основные этапы рождения героя отмечаются реакцией наиболее почитаемых в народе представителей животного мира. Это *леча* (сокол), который своим клекотом предвещает рождение, барс, волк и олень.

Глаголы, обозначающие процесс рождения, отражают разные времена и передают некоторое движение во времени, а через него и эффект нарастания тревожной ситуации, связанной с необычным рождением героя. При этом каждый из зверей, которые были тотемными в древней чеченской мифологии, реагирует на рождение героя и наделяет его качествами, которыми в народном сознании характеризуются перечисленные представители животного мира. Это зоркость и дальновидность сокола, ярость и злость барса, стойкость и отвага волка.

Но самыми важными качествами человеческого характера будущего героя наделяют не представители животных из отряда хищников, а наиболее любимый и почитаемый из всех зверей – олень. Вообще этот персонаж более характерен для лирических и лиро-эпических песен, в которых воспевается жизнь красивого и гордого оленя, полная тревоги и забот. В древних нарт-орстхойских сказаниях и волшебных сказках в образе оленя выступает заботливый и добрый хозяин всего животного мира – Елта [4, 308-310; 467-468].

По древней мифологии он является одновременно покровителем охоты и урожая, и полное его имя Дела-Елта. Все эти обстоятельства подчеркивают наибольшую значимость пожелания оленя, оно программирует не только отдельные качества характера героя (ср. с пожеланиями волков), но и направление его будущей героической деятельности. Он призван спасти «уоставших сирот» и всех обездоленных.

Дальнейшее повествование илли «О чеченском Баймарзе» подчеркивает сюжетную значимость пожелания оленя и остальных представителей животного мира. Герой смело борется против социального угнетения, помогает бедным сиротам и вдовам.

Следовательно, мотив чудесного рождения в данном героико-историческом илли как бы «программирует» действия героя, и расположен он в самом начале песенного повествования. Он является своеобразным его зачином, который не поется, а «говорится / сказывается» без музыкального сопровождения.

«Суровый» настрой зачина илли, каким является в данном случае мотив чудесного рождения, формирует характер всего повествования илли, что в свою очередь отражается на отборе сказителем изобразительно-выразительных средств.

Все рассмотренные особенности мотива чудесного рождения в илли о Баймарзе (его сюжетопрограммирующие функции, месторасположение в общей композиционной схеме, «соучастие» наиболее почитаемых представителей животного мира в процессе рождения героя, зависимость природных явлений от самого чудесного рождения героя и др.) отличают его от первых двух примеров и говорят о его архаичности.

Однако, отмечая некоторые архаические элементы в происхождении героя илли, например, его связь с тотемными животными, которые своими пожеланиями программируют его характер и линию поведения в будущем, мы все же должны отметить его коренное отличие от древних героев-богатырей из более ранних в стадильном отношении эпических произведений других народов. Герой илли не обладает никакими магическими возможностями и является героической личностью благодаря своим выдающимся человеческим качествам. Все его поступки имеют морально-этическое обоснование – они направлены против социальных угнетателей и в защиту бедных и обездоленных. Иначе говоря, герои в илли и отношения между этими героями вполне реальны. Хотя в мотиве чудесного рождения «Чеченского Баймарзы» сохранились элементы необычности, но отзвука в дальнейшем повествовании они не находят и на характер этих отношений не влияют, то есть песенный герой не наделен магическими способностями превращаться в сокола, барса, волка.

Более сложные функции мотив чудесного рождения выполняет в ранних в стадильном отношении песенно-эпических жанрах других народов. Так, в русской старине (былине) «Волх Всеславьевич» рождение богатыря-кудесника непосредственно связано с природными явлениями:

А и на небе просветя светел месяц,
 А в Киеве родился могуч богатырь,
 Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
 Подрожала сыра земля,
 Стрелося славно царство Индейское,
 А и синяя моря сколыбалося
 Для – ради рожденья богатырскова,
 Молода Вольха Всеславьевича;
 Рыба пошла в морскую глубину,
 Птица полетела высоко в небеса,
 Туры да олени за горы пошли,
 Зайцы, лисицы по чащицам,
 А волки, медведи по ельникам,
 Соболи, куницы по островам [5, 32-33].

Монументальное описание реакции природы на рождение богатыря-чудесника начинается с сопоставления самого рождения с появлением светлого месяца. Этот поэтический прием параллелизма используется в старине, чтобы подчеркнуть особенность происшедшего – чудесного рождения Вольха Всеславьевича. Сам мотив состоит из двух взаимосвязанных параллельных частей. Каждая из них представляет собой совокупный поэтический ряд, состоящий из отдельных самостоятельных описаний природы (неживой и живой), соединенных одним пространственно-временным отношением – рождение Вольха Всеславьевича.

Отметим, что в старине сразу же вслед за мотивом чудесного рождения следует эпический мотив «Требование едва родившегося героя». Эти два мотива взаимосвязаны между собой. При этом первый из них как бы подготавливает появление второго эпического мотива. Аналогичную картину мы наблюдаем и в другой старине (былине) «Сурович Иванович и Пурга-Сар», где герой сразу же после своего чудесного рождения требует от матери, чтобы она его не пеленала в «пеленочку камчатую», а приготовила ему шляпу с «хрущатым» песком в девяносто пуд. Шляпа, наполненная хрущатым песком в девяносто пуд, служит оружием героя, а также демонстрирует наличие у него огромной силы сразу же после рождения.

Эти два эпических мотива (чудесное рождение и требование едва родившегося героя) отражают одинаково архаичский уровень воззрения на природу. Они

взаимно предполагают и дополняют друг друга в древних эпических произведениях. При этом рождение русского богатыря прямо связано с рождением небесного светила:

Еще громы грэмэли,
 Еще молоньи сверкали,
 Була земля трасение –
 На небе-че родился свечол мешец,
 Еще на Руши родился силен богатыр [6, 232].

В чеченских героико-исторических или мы наблюдаем иную картину. Во всех трех примерах или мотив чудесного рождения представлен вне каких бы то ни было связей с другими древнеэпическими мотивами, характеризующими чудесный рост или богатырское детство героя. Их наличие в или нарушило бы систему представлений о позднем эпическом герое как о реально существовавшем человеке, что в свою очередь противоречило бы общим жанровым эстетическим законам. Ибо для жанра или неприемлема концепция героя, обладающего чудесными свойствами. Он лишен их. Но его человеческие героические качества характера предельно гиперболизированы. Этой цели и служит трансформированный в позднем эпическом жанре или древний эпический мотив чудесного рождения. Для героико-исторических или не свойствен быстрый рост или требования едва родившегося героя. Для или характерно желание этого быстрого роста, высказанное в словах матери.

В отличие от героев или, магическими свойствами, также как и Вольх Всеславьевич, обладает герой Алмамбет из монументального киргизского эпоса «Манас». Эти особенности Алмамбет приобретает, как и былинный герой, в процессе обучения в детском возрасте. Учится Алмамбет у мудрого змея.

Рождение Алмамбета во многом перекликается с богатырским рождением былинного героя. Вот как оно отмечается природой:

Когда сказали, что родился Алмамбет,
 Ала-тоо от испуга сделался низким.
 Бурно текущая река от испуга

Превратилась в речку.
Три рода мусульман от испуга
Перекочевали в устье реки [7, 6].

В данном примере своеобразный метафорический ряд тоже характеризует реакцию природы и выражает ее «испуг» оттого, что родился богатырь. При этом сохраняется пространственно-временная соотнесенность событий, происходящих уже после того, как родился герой. В некоторых вариантах «Манаса» (С. Орозбаков, С. Каралаев) наблюдается максимальное сближение во временном отношении самого рождения и природных явлений:

Как только мать родила меня, ...
Семьдесят дней продолжался поток,
Семьдесят дней тряслась земля [8, 175].

Необычайное богатырское рождение Алмамбета послужило началом развития целого ряда эпических событий и стало связующим звеном между частями монументального эпоса «Манас», который исполняется на протяжении шести месяцев. Как и в архаической русской былине, реакция природы на рождение Алмамбета служит своеобразным знаменем для объекта будущих действий героя. Эти обстоятельства позволяют отнести мотив чудесного рождения в Манасе к сюжетообразующим. Он расположен не в начале произведения, но влияет на развитие сюжетной линии ретроспективно.

Такой же функцией обладает мотив чудесного рождения в осетинском сказании «Айсана», хотя здесь нет развернутого описания реакции природы: «У нарта Урызмага родился сын. Раскаты грома сопровождали рождение его, и когда небесный Сафа в своем жилище услышал эти раскаты, то узнал он, что родился сын у нарта Урызмага» [9, 393].

В данном случае реакция природы, как и в предыдущих примерах, подчеркивает величие события – рождение богатыря – и является поэтическим средством идеализации героя. Однако явления природы в осетинском героическом нартском сказании «Айсана» имеют и композиционно-сюжетную нагрузку – благодаря им становится известно о рождении героя.

Отметим, что в русской старине и нартском сказании «Айсана» явления природы сопровождают чудесное рождение героя. А в русской старине в семантике сложного слова «для-ради» сохранился отзвук участия самой природы в чудесном рождении Вольха Всеславьевича.

Иную картину мы наблюдаем в чеченских илли, хотя герой в них также рождается в необычайную ночь. Однако в первом примере («О Гани, сыне гехинской Вдовой старухи») эта необычайная обстановка мотивирована свойством самой же природы, несколько гиперболизированном («от холода лопались скалы»). В данном случае нет и намек на причинно-следственную зависимость явлений природы от самого рождения героя, что совершенно явственно наблюдается в древнеэпических произведениях. Во втором примере герои илли рождаются «в ту ночь, когда от волчицы родятся щенки». Отметим, что В. Абаев считает, что первоначально это звучало, несомненно, иначе: «Мы родились от волчицы». [10, 32].

Это сопоставление рождения героев с рождением древних тотемных животных является параллелизмом и служит художественной идеализации героев илли. В третьем примере сохранились причинно-следственные связи поведения тотемных животных с рождением чеченского Баймарзы и их пожелания маленькому герою. Эти пожелания программируют характер будущего героя, линию его поведения. В этом и заключается сюжетная нагрузка мотива чудесного рождения в илли о чеченском Баймарзе.

Однако эта сюжетная значимость мотива в позднем в стадийном отношении жанре илли несколько иного порядка, чем в древнеэпических произведениях фольклора других народов (русского, киргизского, осетинского и др.). Во-первых, эти архаические мифологические элементы не восполняют собой отсутствие других древнеэпических мотивов («чудесное зачатие», «требование едва родившегося героя»), которые выступают в одном блоке с мотивом чудесного рождения в стадийно более

ранних эпосах (Русские былины, киргизский эпос «Манас», осетинский Нартский эпос). Соответственно, в сюжетной линии эти архаические мифологические элементы не могут развернуться – герой или не имеет сверхчеловеческих богатырских возможностей. Во-вторых, пожелания тотемных зверей (сокол, барс, волк, олень) имеют программирующее значение потому, что они получают свое смысловое завершение только в совокупности с просьбой-пожеланием матери героя. В целом же они (пожелания) выступают только как примета героического происхождения чеченского Баймарзы и других героев или. В этом одно из коренных отличий функций мотива чудесного рождения в разностадиальных эпических произведениях, используемых нами для анализа.

Таким образом, мотив чудесного рождения в илии служит в основном в качестве художественного приема идеализации героя. К необычайному рождению апеллируют сами герои либо мать героя для подтверждения своих мыслей, суждений. Это говорит о том, что в поздних героических илии наблюдается «перенесение» описания чудесного рождения из сферы повествования в сферу диалогизированной речи самих героев. Подтверждением этому может служить пример использования мотива чудесного рождения в ингушской лирической песне «Жалоба невесты». Героиня испытывает душевные мучения, связанные с разочарованием в любимом человеке:

...Зачем меня родила, родившая меня мать?
В ту ночь, когда мать меня родила,
Валялась на сырой земле разъяренная медведица;
Над курганом выл голодный волк;
Лев был гоним метелью, олень растерзан волками.
Оленя растерзали голодные волки,
Лев был гоним холодом метели,
Медведица, валяясь на сырой земле,
Стонала о своем раненом медвежонке [11, 196-197].

В этой лирической песне о своем необычайном рождении также повествует сама героиня. Такое рождение как бы уже предвещало трагическую судьбу героини

и являлось ее своеобразным знаменем. Иначе говоря, древнеэпический мифологический мотив, сохраняя свою словесно-поэтическую конструкцию, в новой жанровой эстетической системе приобретает дополнительное значение (сопоставление состояния животных с будущим трагическим состоянием самой героини – психологический параллелизм), которое становится доминирующим.

Но композиционный прием создания поэтического образа особого состояния природы (система образов – описаний необычайного поведения диких зверей и логические «дешифровки» как два параллельных ряда) сохраняется. Логическое объяснение особого поведения животных более развернуто по сравнению с илии и создает песенно-повествовательный план, который заключает в себе основную смысловую нагрузку – выражение трагичности судьбы героини. Ее рождению сопутствует вой голодных волков, стон медведицы – все это является предзнаменованием несчастной судьбы героини, которой придется испытать много горя в жизни.

Именно этот эмоциональный акцент и определяет сюжетную значимость мотива необычного рождения в лирической песне, который заключен в прямой речи героини. Это обстоятельство, наряду с наличием в самом мотиве объяснения причин необычайного поведения животных, говорит о типологической соотносимости лирической песни «Жалоба невесты» с героико-историческими илии в хронологическом плане.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что мотив чудесного / богатырского рождения в условиях новой жанровой среды (типологически более поздней чем мифологические и древнеэпические произведения) теряет в основном свои характерные мифологические и древнеэпические особенности и превращается в стилистическую формулу сравнения или сопоставления, создающую образно-художественные представления о героях.

Рассматриваемый нами мотив, видимо, возник из мифа о рождении перво-

го героя, ибо его рождение должно было быть необычным. Подтверждением этого тезиса может служить описание рождения первого нарта Дебета в балкаро-карачаевском эпосе:

В те годы, когда каменным было корыто
И повсюду из дерева делалось сито,
Бог огня стал супругом Богини Земли.
Загремело вблизи, загремело вдали, –
И Земля зачала. Становясь все круглей,
Ожидало дитя девять лет, девять дней
Вот разверзлась земля и родился Дебет
[12, 83].

В этом мифе о рождении первого нарта Дебета-златоликого природные явления сохраняют смысловые связи, значения и обозначают процессы зачатия и рождения героя. В эпических произведениях мотив чудесного / богатырского рождения имеет свои специфические сюжетобразую-

щие функции и «блочные» связи с другими эпическими мотивами, которые в более позднем чеченском герико-историческом эпосе илли не обнаруживаются. Появление новых сюжетозначимых функций у мотива чудесного рождения в илли связано с остросоциальной антифеодальной направленностью всего жанра. Сам поэтический текст илли способствует сохранению в трансформированном виде мотива чудесного рождения, который имеет тенденцию к превращению в поэтическую образную формулу.

Своеобразным отзвуком подобного мифа, возможно, является и иносказательный ответ Сокольника своему отцу Илье Муромцу на вопрос о родителях:

Зародился я от сырой земли,
Я от батюшка все от камешка,
От камешка да от горячаго [13, 33].

-
1. Нохчийн иллеш, эшарш. Нохчийн фольклор / Х1оттийнарш З. Джамалханов, С. Эльмурзаев. Прозный, 1959. Т. 1. (на чеченском языке)
 2. Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859.
 3. Рукопись «Илли о чеченском Баймарзе». Запись сделана И. Б. Мунаевым от известного сказителя А. Темуркаева (69 лет) в августе 1978 года. Рукопись хранится в личном архиве.
 4. Далгат У. Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды. Грозный, 2015.
 5. Сборник Кирши Данилова. М., 1977.
 6. Шуб Т. А. Былины русских старожилых низовьев реки Индигирки // Русский фольклор. М.-Л., 1956. Т. 1.
 7. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. СПб., 1885. Ч. V. (Подстрочный перевод К. Ботоярова)
 8. Манас. Киргизский эпос. М., 1946.
 9. Осетинские нартские сказания. Дзауджикау, 1948.
 10. Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского НИИ. Дзауджикау, 1945. Т. X. Вып. 1.
 11. Багрий А. Ф. Фольклор Азербайджана и прилегающих стран. Баку, 1930. Т. 3.
 12. Дебет златоликий и его друзья. Балкаро-карачаевский героический эпос. Нальчик, 1973.
 13. Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899-1901 гг. М., 1904. Т. 1.